

Инструкция по делопроизводству

Рассказ

Через три года работы Богданов стал ясно отдавать себе отчёт: всё, что его окружает в аппаратном сообществе, – враждебная среда, а все, кто вокруг него, – чуть ли не враги. Никто никогда не придёт и не скажет: «На, Серёга, возьми текстовку для доклада или на, „жуй“ новые цифры по предприятиям»... Никто не ринется, сломя голову, вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне ответственных. Слишком быстро любой живой организм постигает простую до боли истину: из всего длинного списка отвечает только тот, чья фамилия стоит первой, остальные – так, для удобства работы.

От каждого нужно ждать только плохое. От заявителя – повторного письма, от соседей – двукратной жалобы по абсолютно любому поводу, от коллеги – конкуренции в росте, от начальника – кучу дел, от секретаря парткома «первички» – ошибок, от директоров предприятий – письма от районного КГБ о том, что Богданов, мол, встречаясь и беседуя с должностными лицами предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на закрытом объекте.

Поэтому первое, что само усердно закреплялось в психике Богданова – обостренное чувство опасности и способность её чувствовать по малейшим нюансам поведения окружающих, по мимике, запахам, звуку. По всему тому, что может двигаться и изменяться. А главное, ни во что не вмешиваться и, случись что, переходить на другую сторону улицы.

– Не выделяться! – кричал на непонятливых новеньких Соколов, начальник отдела райкома партии. – Никогда не высовываться. Если прокол – немедленно стать «прозрачным»! Иначе это «наглость». Ну, кто ты есть такой? – Спрашивал он, подражая Чапаеву. – Ведь не руководитель коммунистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти. Ты ничего не можешь приказать или решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать... Но что занимательно? В чём таинственность и, должно быть, радость нашего существования? А в том, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто её имеет... В этом момент истины! И ещё: умудришься ты сохранить человеческие качества, находясь в нашем серпентарии или нет.

Правда, к пониманию истины каждый приходил в своё время, кто быстрее, кто медленнее. А кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Такой вылетал наружу будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела её всегда придерживали рукой, чтобы слишком громкий звук лишний раз не идентифицировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее неприятный и приглушённый звук надолго оставался в памяти всех, кто был рядом.

Кто, когда и кем станет? Известно почти что сразу. Но только руководству. Все зависит от набора твоих личностных качеств, биографии и от отсутствия проколов. Вот Соколов, например, из рабочих. Он точно мог бы дослужиться вплоть до члена Политбюро. Но сорочки, сорочки не те носит!

– Определённость, как вы понимаете, дорогого стоит, – шеф любил повторять эту истину потому только, что почти всем и почти всегда хотелось всё знать наперёд обо всех и о себе родимом, в особенности. – Ты сейчас об этом ничего не должен знать! – Обычно говорил Соколов, завершая тему о будущем. – Кроме того, что ты ничего не должен знать! – Ему нравилось цитировать Вайса – Белова из кинофильма «Щит и меч».

Чтобы не иметь проколов, нужно меньше суетиться и чётко выполнять только то, что поручено. На любом посту.

Да и посты-то ты получаешь лишь для реализации понятия «расстановка». И где бы ты ни проходил эту самую «расстановку», главное, чтобы в конце концов ты стал «изотропным», то есть по всем направлениям одинаково гибким и понятливым. Тогда тебя можно с легкостью встроить в сложную конфигурацию следующего «эшелона» вертикали власти.

На каждой ступеньке твоего роста – вездесущие идеологические и организационные отделы. Они фиксируют и анализируют все твои поступки и проступки, все проявления чего-то необычного, нестандартного, из ряда вон выходящего. Вроде и несложная у них работа, но пойдی догадайся, к примеру, какой ширины должна быть чёрная траурная лента на хрустальной люстре или минимальный размер белых букв на красном транспаранте метр на три. А если два на восемь? Узкая лента – явный факт неуважения к «видному» деятелю. Даже если он не «выдающийся», а пока только «видный». Всё равно! Слишком маленькие буквы – вообще кошмар! Тут и неуважение, потому что никому не прочитать, тут и косвенное подтверждение отсутствия руководящей роли партии в лице райкома и принижение им значения решений очередного пленума ЦК.

Позднее Богданов поймет, что всё это благообразие работает только в центре. Как оно выглядит в глубинке, он ещё не видел и даже не догадывался.

А в огромном живом организме под названием Государство проходила своя игра. Ушёл один выдающийся деятель, на его месте появился другой, пока ещё только «видный» Новый начал с дисциплины и, в частности, с партийного набора в КГБ. Как когда-то очень давно, после смерти Ленина, на село отправили двадцатипяти тысячников – коммунистов из городов, с заводов и фабрик, так и теперь...

Спустили разнарядку и в райкомы. Забирали Богданова. Во-первых, потому что замзав. С другого уровня сложнее: пришлось бы искать соответствующую номенклатуру должность в органах. Во-вторых, кандидат наук, причем его первая специальность была связана с ядерной физикой. Иностранный язык опять же.

Но, как и везде, в так называемых силовых структурах всегда есть какая-нибудь слабина. Это когда одна маленькая деталь может всё перевернуть.

– Вы согласны идти к нам работать? – Спросил Богданов полный мужчина в форме с генеральскими погонами.

– Да! Согласен. Это большая честь и... доверие.

– Вы понимаете, что это совсем другой вид деятельности, придётся учиться?

– Да! Понимаю. Я готов.

– Как у вас со здоровьем?

– Да!.. То есть, здоров...

Генерал наконец-то поднял глаза и внимательно посмотрел на работника райкома партии, потом на капитана, что стоял рядом, и сказал: «Проведи-ка его по нашим медикам».

Один Серегин глаз видел чуть слабее другого. Чуть-чуть. Половина диоптрии. Но, наверное, как раз тот, который больше всего нужен для того, чтобы прицелиться. Вот и всё! Затрещали всюду утвержденные планы-графики подбора кадров. Пришлось направлять запрос в Москву, испрашивать разрешение на нарушение какого-то пункта инструкции «по глазам» будущих агентов.

В общем, пока суд да дело, пока делали запрос, пока ждали ответ, жизнь не может стоять на месте. Богданова через ЦК послали в командировку.

В Афганистан. Помощником советника по партии.

Это была командировка на три месяца. Три недели в Москве на специальных курсах и два месяца в Афганистане. В Кабуле начальство с Богдановым особенно не церемонилось. Уже на следующий день мушаверы-советники провели с ним собеседования, инструктажи, в том числе по технике безопасности. В ЦК Народно-демократической партии Афганистана Сергею показали его будущего начальника, бывшего первого секретаря одного из московских райкомов партии, ознакомили с документами. Выдали «калашников», «макаров», массу пропагандистской литературы на русском языке. Ну и, конечно, поставили первоочередные задачи...

Потом со всем багажом его вместе с начальником втолкнули в «вертушку», и через два-три часа они уже в мест-

ном аэропорту в тридцати километрах от Кандагара. В этом городе в одном из домов на окраине им предстояло провести целых два месяца.

Моджахеды здесь почти не воевали, а только отрабатывали американские деньги. Днём на полях гнулись, мак окучивали, а как стемнеет, начинали постреливать. Стреляли и днём, но как-то не зло, чтобы не всех поубивать, а то не за что зарплату будет получать.

Так уж повезло и советнику, и его помощнику. Там, где они жили, скорее можно было получить пулю или гранату в окно от «своих», от крайне радикальных представителей другой фракции НДПА – пуштунов. И это всякий раз, как только местный комитет решал что-нибудь не так, как тем хотелось бы. А в комитете большинство из другой фракции – «парчам».

Жил Сергей вместе со своим начальником в маленьком неприметном каменном доме с одной комнатой, с одним входом и двумя окнами. Так решил советник: «Главное – не в гостинице. Там нас быстренько разыщут все, кому нужно и кому не нужно». Дверь в доме была заколочена и изнутри обложена мешками с песком. Окна прикрыты железными листами. Только одно окно могло открываться. Прямо в доме на земляном полу советник раз в неделю жёг всякие документы. На это время окошко осторожно приоткрывали. Застоявшийся гнилой запах сразу разбавлялся врывающимся снаружи горячим воздухом. А Богданов через щель в окне рыскал глазами из стороны в сторону – не видит ли кто струйку дыма из-под крыши их неказистого дома.

Через это окно, кстати, советник и выходил наружу, прямо в подошедший вплотную к окну бронетранспортер. А Богданов оставался в доме печатать бумаги на маленькой пишущей машинке «Аурика» и рисовать всякую ерунду. Запас бумаги имелся небольшой. Но советник каждый день его обновлял. Листы были очень тонкими и даже почти прозрачными, зато копирок хватало, хоть отбавляй. Можно было пять-шесть экземпляров сразу набирать. Столько бумаги он ещё не изводил за всю свою жизнь. Для

Сергея это означало только одно: хотят этими его бумажками заставить людей жить по-новому...

Совсем рядом располагались и крайне напряжённые участки. Совсем рядом был героизм, а куда от него, проклятого, деться. Но больше всего Богданова и его начальника напрягал повседневный быт. Туалет внутри дома, прямо в полу простая яма. От жары и вони никуда не спрятаться. Ещё советник хоть иногда попадал в большие кабинеты с кондиционерами, а здесь сдохнуть можно! Чистой воды очень мало. Только чтобы пить. Для мытья – совсем другая. Цвета хаки. А ещё вши, блохи... Водка не помогала! Ни снаружи, ни внутри.

Новая жизнь на новом месте для Сергея началась с того, что ему сказали: «Не надо из дома выходить наружу. Ни к чему это!» Нужно всего несколько месяцев поработать по специальности – помочь советнику по партии готовить выступления для него или для местного руководителя НДПА, заполнять разные клеточки со схемами, рисовать структуру организации партии в областном центре, инструкции и строчить отчёты своим. Из местных можно общаться только с переводчиком, руководителем партийной организации и с его заместителем.

С советскими армейскими офицерами лучше не встречаться. Не любили они советников. Да и не особенно различали, военный он или политический.

Поздно вечером советник возвращался и заходил в дом тем же способом – через окно. Он привозил еду, бумагу и чистую воду. Это главное. Они вместе смотрели подготовленные Богдановым документы. Советник аккуратно складывал их в свой железный портфель. Потом ужинали. А перед сном, постепенно уходя в расслабленное состояние, временный начальник долго рассказывал Сергею все премудрости их работы.

Из ночных разговоров Богданов понял, что проблема состояла в том, что никакой коммунистической партии в Афганистане в общем-то и нет. Она, как таковая, почти никогда и не существовала. Сразу же после создания, в шестидесятых годах, раскололась на две части, причём ни

той, ни другой фракции не удавалось создать себе базу среди верующего мусульманского населения.

– Когда ввели наши войска, здесь сразу же появилось много всяких советников, – рассказывал бывший секретарь райкома. – А недавно – один за другим в Кабул стали прибывать спецы по партийному строительству. Вроде как помогать делать партию.

– А нашего «Первого» забрали в Узбекистан. Мы думали, потащит всех за собой. А он вернулся и взял только районного судью, прокурора и военкома.

– Там не лучше. Тоже надолго, и точно так же могут шлепнуть, – откликнулся советник и продолжил. – Ну там хоть свои... А у этих много лет не было даже Устава. Тоже мне, партия! Никаких правил, инструкций, принципов. Да! Пока не забыл. Инструкцию о делопроизводстве не забудь завтра отдать мне перед отъездом.

– Да сделаю, конечно! – ответил Сергей, понимая, что это вежливая форма приказа работать всю ночь.

– Знаю только, – продолжал советник, – что не можем мы установить власть здесь. Не с кем. В центре ещё куда ни шло. А в провинции – полный бардак, – советник покачал головой и что-то промычал про себя. Сергею показалось, что услышал мат.

Уставший, намотавшийся за день секретарь райкома ещё долго рассказывал Богданову обо всём наболевшем, пока он находился здесь, за рекой Аму-Дарья. Он был слишком откровенным. Наверное, ежедневные и вполне реальные опасности уже необратимо зашунтировали его осторожность, привычную для всех отечественных аппаратчиков. А Сергей после того, как советник вырубился, прежде чем приступить к написанию инструкции о делопроизводстве, ещё долго размышлял над его словами.

За стеной дома послышался топот копыт и приглушенные голоса на пушту. Сергей мгновенно накрыл тряпками перевёрнутую табуретку, где стояла керосиновая лампа. Он вскочил и бросился к окну. Чуть отодвинув железный лист, сквозь узкую, почти не заметную щель посмотрел наружу. Там было темно, но по громкому дыханию лошадей и бря-

цанию оружием он понял, что метрах в ста от их дома толпились моджахеды, человек сорок. В том месте находилась гостиница, где жили начальники отделов местной партийной организации, несколько военных советников и всякие приезжие из столицы. Богданов увидел яркие вспышки от выстрелов и только потом услышал автоматные очереди.

Советник уже стоял рядом. Как только зазвучали выстрелы, он мгновенно проснулся и уже успел занять место у окна возле Сергея. Здесь же лежали всегда готовые два автомата и четыре гранаты.

– Ну что, написал инструкцию? – Неожиданно спросил начальник, наблюдая через щель в закрытом окне за передвижениями моджахедов. Те продолжали стрелять по окнам гостиницы, но в саму гостиницу входить боялись.

– Какую ещё инструкцию?

– Про документооборот...

Советник нервно засмеялся и принялся в потёмках шарить руками по полу в поисках железного портфеля. Наконец он его нащупал, открыл и вытащил телефонный аппарат космической связи и антену.

– Консульство? Дежурный?.. Это пятнадцатый... У нас нападение на гостиницу... Мы в порядке... Да... Нет, не обнаружили... Ждём. – Советник сложил телефонный аппарат и оставил его рядом с портфелем.

«Вот почему железный, – сообразил Сергей, – а я-то думал, чтобы мои бумаги не сгорели...»

Они лежали на полу у окна и ждали. Абсолютно мокрые. То ли от жары, то ли от страха. Богданов, хоть и готовил себя психологически к подобным ситуациям, тем не менее всерьёз их не воспринимал. Он просто не мог поверить, что всё это происходит наяву. С ним!.. Он же не выходил никуда, как приказывали, ни в кого не стрелял, вообще, войну видел только в кино.

Они лежали, положив головы на «калаши», и ждали, что будет дальше. Завяжется бой или моджахеды, как обычно в этих местах, постреляют и уйдут. Они ждали своих и старались не думать про то, что их могут увидеть, или, ещё хуже, – уже знают про их «крепость». Вот сейчас закончат

с гостиницей и перейдут к ним... Что такое два автомата против этой своры с ног до головы вооружённых и накурившихся вояк?

Но завязался бой. Стрельба усилилась. Уже горело левое крыло гостиницы. Из окон прямо под автоматные очереди начали выпрыгивать постояльцы. Было хорошо видно, как люди бежали в разные стороны, как упали человек пять и уже не вставали. Моджахеды начали стрелять из пулемета. Видимо, понравилось. Слева, на стене соседнего дома, освещаемой огнём от пожара, промелькнули две тени. Двое, низко согнувшись и не отстреливаясь, бежали в их сторону. Вспышка от разорвавшейся гранаты на мгновение осветила бегущих. Богданову показалось, что это были русские, с непокрытыми головами, правда, не в армейской форме, а в одинаковых тёмных пиджаках. «Почему в одинаковых?» – мелькнуло в голове Сергея. Всё внимание сосредоточилось на том, когда те двое окажутся рядом.

Богданов, не спрашивая начальника, чуть отодвинул лист железа на окне и крикнул в темноту: «Сюда! Быстро!»

– Только не вздумай стрелять, – сказал советник, положив свою руку на Серёгин автомат. Через мгновение двое оказались внутри их убежища.

– Ну и вонища! – первое, что услышали на русском языке Богданов и его начальник, и только потом: – Кто такие?

– А вы кто такие? – спросил советник.

– Мы из гостиницы, – напыщенно произнёс один из гостей, тот, что был повыше ростом и с усами. Видимо, главный. Он сразу, как только проник в помещение, лёг на землю сбоку от окна, окинул взглядом убогое убранство берлоги, увидел пачки бумаги на кривом столе, пишущую машинку и теперь внимательно вглядывался в хозяев случайного убежища. В руках у него оружия не было. У второго – тоже. – А вот вы наверняка «политические» – заключил «главный». – Я всегда чую, когда за спиной ровное дыхание нашей родимой партии. – Потом, будто вспомнив о чём-то важном, он резко повернул голову в сторону своего напарника: – Саня, ты посматривай. Они скоро уйдутся...

Тот, кого усатый называл Саней, лежал с другой стороны окна, рядом с Богдановым. Он и так всё время, не отрываясь, глядел на площадь перед гостиницей, оставив своему начальнику бремя дипломатических переговоров с хозяевами. В это время «главный», заприметив аппарат для связи, потянулся к нему...

– Не наглей, товарищ, – наконец-то вымолвил советник.

– Нужно сообщить, – оправдываясь, сказал усатый.

Богданов переглядывался с советником и, не говоря ни слова, мысленно рассуждал. «По повадкам, по наглости в поведении и по уверенности угадывались военные. Форму могли не успеть надеть... Хотя надели же костюмы... Не из наших – это точно. Советник бы знал. Ишь ты. Без оружия вроде как... Может, особисты из гарнизона. Или приезжие. Всё равно – не иначе – чекисты».

Вот так с полуоборота и те, и другие вычислили друг друга. Опыт. И обостренное чувство опасности. Оно, как ничто другое, быстро прогоняет мысль по всем извилинам и выдаёт результат.

– Сообщили уже. Ждём-с, – встрял Богданов. Он приподнялся со своего места у окна и направился в сторону наглого гостя. Советник в это время от греха подальше стал укладывать телефон в портфель. А напарник усатого, слушая весь этот разговор и непрерывно смотря в щель в окне, уже понял, что они попали к своим. Только одно, казалось, не давало ему покоя. Он всё время морщил нос и крутил головой, будто отворачивался. В этой, случайной для них крепости, всюду пахло дерьмом и гнилью...

Минут через пять, хоть и казалось, что прошло не меньше получаса, бой за железным листом в окне стал затихать. В щель было видно, как моджахеды сворачивались и уходили за окраину города. Дело своё они сделали, денежки честно и результативно отработали. Можно расслабиться.

Тот, что оставался смотреть у окна, повернулся в сторону керосиновой лампы, потянулся и даже зевнул. Наверное, у него это было нервное. Лампа, прикрытая почти со всех сторон тряпками, наброшенными на перевёрнутую

табуретку, бросила луч тусклого света на Сергея, подбирающегося к главному гостю.

– Постой-ка. Дай отгадаю, – усатый остановил глаза на Богданове и теперь уже не отпускал его из поля зрения. Концы усов вдруг приподнялись, в сумерках затемнённого помещения ослепительно засияли безукоризненно белые зубы.

– Вот это, к примеру, явно Серёга... И я даже знаю его фамилию...

– Лиса... Дурило! – Теперь и Сергей вспомнил, где он видел раньше такие усы. Ну, не у Хусейна же.

– Почему же сразу дурило?

– А чего шляешься где ни попада?

– Вот те-е раз! Почему это где ни попада? Как раз там, где нужно. Подожди-ка... Как там? Если люди идут вперёд по большаку, а не виляют потаёнными тропами...

– Они обязательно встретятся... Ну, ты... – воскликнул Сергей, и они обнялись. Потом тихо засмеялись и в то же мгновение оба вдруг тихо засвистели известную мелодию из кинофильма «Добровольцы».

– Значит так, приятели, – советник вдруг вспомнил, что он всё-таки первый секретарь райкома партии, а не какой-нибудь рядовой чекист или даже начальник районного управления КГБ. – Я так понял, что снаружи всё завершилось. А посему даю вам пять минут на трепотню, и расходимся. – Он встал и для пущего авторитета поднял с земли автомат. – Мы вас не видели, вы – нас. У нас свои инструкции. А ваши... Ну, они ещё хуже... Вдруг помощь подоспешет... Потом не отпишемся.

Лисочкин понимающе посмотрел на советника, потом повернулся к своему Саньке, поднял указательный палец и, улыбаясь, потряс им. Мол, партия всё верно говорит. А-то как же!

Юрка и Серёга сидели на корточках, как настоящие афганцы и, не видя ничего вокруг, предавались воспоминаниям. Они говорили одновременно, но, тем не менее, слышали и понимали друг друга. Они выравнивали свои информационные базы данных про одноклассников. Привычное

дело. Вспомнили всех, быстро, без эмоций, будто делали работу. Ровно за пять минут.

Через пять минут неожиданные гости встали, сдержанно попрощались с хозяевами, пожав друг другу руки, потом Сашка отодвинул железный лист, и они оба растворились в темноте.

«А что? Разве не молодец мой „первый“? – в который раз подумал Богданов, – ещё какой молодец! Голова! Никого не слушал и всё время повторял ещё в Кабуле: „Гостиница не нужна. Будем жить отдельно, в каком-нибудь заброшенном и полуразрушенном доме. Хоть в помойке“».

– Причём тут инструкция-то? – вдруг вспомнил Сергей, когда закончил мысленно восхвалять своего начальника.

– Да это я так... Всё-таки оружие массового поражения... Сколько наворотили этой бумажкой... Пустячная замена двух строчек в Уставе! И всё! Партия перевернулась с ног на голову. Когда в одном месте и подготовка решения, и контроль, то обязательно жди сначала нарушений, потом – коррупцию и, в конце концов, кризис... А с этим... – советник показал на окно, – учились вместе? Нагловатый парешок.

– Один двор. Один класс, – ответил Богданов. – А судьбы... – Он вспомнил, что ему только что сказал Юрка Лисочкин про их детского друга Вовку Спивака, и замолчал.

Свои в ту ночь так и не подошли. Гостиница вся сгорела. Погибших подобрала местная полиция. Утром военные из гарнизона подъехали на газике. Двое вышли, походили, посмотрели, ничего не сказали и уехали. Вокруг того места, где стояла гостиница, ещё долго болталась местная детвора.